

ДЕНЬ ЖДУНА

ВИНТОРИЯ АНОСОВА
Родилась в 1992 году в маленьком городе, недалеко от Ясной Поляны. Считаю, что именно фант рождения вблизи литературных мест повлиял на выбор профессии в будущем. Прозаик, редактор, поэт.

Окончила факультет журналистики РГСУ. Публиковалась в «Литературной газете», один из рассказов вошел в шорт-лист литературного опен-калл издательства «МИФ». Первый роман «Есть ли жизнь после двадцати» доступен на платформе «ЛитРес».

Я всю жизнь кого-то жду. В детстве, например, ждала дедушку из Москвы. Навещал он нас несколько раз в год. Приезжал рано утром, всегда внезапно, на темно-синих «жигулях», останавливался сзади дома и громко-громко сигнализировал. Мы вскакивали с кроватей, прилипали к окнам. Мама с бабушкой вскрикивали: «Москвичи приехали!» И начиналась радостная суета.

За несколько минут, пока гости поднимались на пятый этаж, бабушка успевала бросить в воду свеклу и морковку для винегрета, нарезать колбасу, начать чистить картошку. Мама поправляла прическу и прихорашивалась. Я ничего не успевала, а просто носилась из комнаты в комнату в маечке, натягивая по пути красные парадные колготки, и визжала, не в силах сдержать эмоции и восторг. Мама ловила меня, быстро стягивала «позорную», по ее словам, майку, кидала мне в руки платье, орала: «Не ори» – и пыталась причесать.

На этой ноте дверь распаивалась, и начиналось веселье. Взрослые плакали, крепко обнимались. Меня подхватывали на руки, кидали в воздух, целовали, при этом больно кололи щетиной. Платье оказывалось на голове, красные колготки сползали. Абсолютное счастье.

То, что приехал дядя Сережа (так все, а заодно и я называли моего двоюродного деда), знал весь

подъезд. Двери не запирались сутками: соседки таскали из своих квартир еду и стулья, которых вечно не хватало. Мужчины – приготовленный именно для этих случаев самогон. Он обязательно поджигался прямо на столе, под общие восторги и гордые глаза соседней: «Гляди, как горит!» Бабушка хмыкала, видя слабое пламя, и выходила на «сцену» в обнимку со своей пятнадцатилитровой бутылкой.

«А ну-ка, отошли отсюда», – командовала она, и все мужчины резво пятились назад, а бабушка плескала свой самогон на стол. Пламя разгоралось мгновенно и было огромным и неуправляемым. Бабуля ловила на себе косые взгляды гостей, а дядя Сережа всегда восторженно заявлял: «Мне Шуркину налейте».

Это был из раза в раз повторяющийся ритуал, без которого никто за стол не садился. Щеки бабушки вспыхивали от удовольствия, как самогон от огня, и она на правах хозяйки разливала всем «напиток богов». Так называл его дед. Остальные неловко вертели в руках свое мгновенно ставшее ненужным пойло. Но дядя Сережа умел снять повисшую в воздухе неловкость.

– А теперь Михиной плесните.

Восторженный Миха с четвертого этажа подпрыгивал, хватал первый попавшийся стакан и щедро сбавлял его самогоном. Дегустация заканчива-

лась, когда напитки всех гостей были оценены по достоинству. Соседи сияли. Те, которым удавалось еще держаться на ногах. Дед в это время как ни в чем не бывало курил свою «Приму» прямо в зале. То, что в комнате находился маленький ребенок, я, в то время вообще никого не смущало.

Меня сажали на колени, расспрашивали про женихов, в моих руках то и дело оказывалась невиданная ранее еда. Хорошо помню целый ананас, который в спешке всунул дядя Сережа в руки мне целиком. Мама хотела отнести его в холодильник, но он запретил:

– Не трогайте. Это Викулькин. Пусть делает с ним что хочет.

Я еле держала тяжелый фрукт, и единственное, что хотелось в тот момент, – избавиться от него. Страдания продолжались до тех пор, пока одна сердобольная соседка не забрала из моих рук экзотику. Ананас в тот день я так и не попробовала: он магическим образом исчез. О нем вспомнили на третьи сутки, посмеялись, а дед сказал: «Ну и на здоровье. Я внучке три таких ананаса куплю». И ведь купил. Благодаря дедушке мне теперь легко отпускать мужчин, которые не держат слово. Если дед мог – почему не могут остальные?

«Киндеры» в наш дом привозились коробками, фрукты – корзинами. Наверное, с тех пор мне неизвестно слово «мера». Я не понимала только одного: почему дядя Сережа всегда пер с собой эти ненавистные бананы? Ящиками. Я терпеть их не могла, а сказать об этом почему-то стеснялась. Тайна открылась спустя несколько лет. Мама, обожавшая эти желтые фрукты, на вопрос дяди Сережи: «Что привезти ребенку?» – всегда отвечала: «Бананы». Ведь в нашем маленьком городке их было просто не достать.

Вечерами, когда взрослые уютно разбредались по квартире, я лежала в окружении шоколада, пластмассовых бегемотов и крокодилов и испытывала настоящее блаженство. Ближе к ночи, под чьи-то воспоминания, начинали слипаться глаза. Просыпалась я всегда в своей кровати, от хохота, звона посуды и запаха пирогов. Взрослые в приезде дедушки забывали про сон вообще.

Дядя Сережа обычно приезжал на два-три дня. Потом мы провожали его до поворота дороги в далекую-далекую, неведомую мне Москву. Один раз он сказал:

– Возьму Вику с собой. Надо ребенку столицу показать.

– Только через мой труп она сядет в твою машину, – заявила бабушка.

Дядя Сережа гонял так, что у ба, однажды доехавшей с ним от Москвы до нашего маленького городка под Тулой, поседел волосы на висках. Всю свою жизнь дядя Сережа провозил начальника московской милиции. Работа закончилась, а вот волшебная корочка, связи на всех постах и привычка лихачить остались.

Столицу в тот раз я не увидела. В машину к дяде Сереже не села даже после того, как бабушка стала трупом.

Благодаря деду я с детства знала: все хорошее заканчивается. Но мысль о том, что стоит немного подождать – и веселье снова повторится, утешала меня. Перед отъездом дедушка всегда шептал мне на ушко волшебные слова, которые помогали не скучать слишком сильно. От него пахло смесью из табачного дыма, мужского одеколона и пива «Жигулевское» – лучший аромат в мире. Мы долго махали вслед машине. Как только она скрывалась за поворотом, я снова начинала ждать.

Честно, приезжай он без сладостей и подарков, я любила бы его не меньше. Мне всегда были важны от человека не материальные вещи, а атмосфера, которую он приносит с собой. Теперь от каждого мужчины я подсознательно жду этого чувства уюта и праздника.

Однажды я вернулась из школы чем-то жутко недовольная. То ли моя лучшая подруга начала дружить с другой девочкой. То ли я написала на доске слово «будущее» с буквой «ю», и учительница спросила: «Ты что такую глупую ошибку делаешь, влюбилась, что ли?»

В общем, хотелось вредничать. По дороге я придумала, что откажусь от вкусного бабушкиного супа. Продумала речь, ступила на порог, готовая сказать все что хотела, но планы были нарушены. Дома, вместо бабушки, дверь открыла мама. Супа мне никто не предложил. Я обиделась, попыталась как-то обратить на себя внимание. Мама стояла перед зеркалом и пыталась расчесать волосы, с которых, видимо, совсем недавно, стянула бигуди. У меня создалось ощущение, что она хочет выдрать их расческой подчистую. Я не раздевалась.

– Сами ешьте свой дурацкий суп! – ни с того ни с сего сорвалось с моих губ.

Мама обернулась.

– Дядя Сережа к нам больше никогда не приедет.

Эти слова она сказала чересчур спокойным голосом. Слишком спокойным для такой ситуации.

Меня мгновенно парализовало слово «никогда». Я была еще мала, смутно понимала его

смысл. Но оно каменной глыбой свалилось на плечи, мгновенно заставив съехиться и ссутулиться. В голове застучало: «Поссорились с бабушкой». Но при чем тогда здесь это дурацкое «никогда»? Можно ведь помириться. Меня прорвало.

– Я их помирю. Это же просто. Я научу. Нужно просто крепко схватиться мизинцами и сказать:

*А ругаться ни при чем,
буду драться кирпичом.
А кирпич ломается, дружба начинается.
Кря-кря-кря, мы с тобой...*

– Он умер.

– ...друзья, – четко закончила я.
Меня оглушило.

До этого момента в моей семье никто не умер. Наша квартира вдруг сузилась до размеров коробки, стало тесно. Я закрыла глаза. Стены безжалостно продолжали давить. Потолок резко опустился до уровня моего роста. Нужно было спасти себя.

– Хочу гулять, – выкрикнула я и бросилась вниз по лестнице.

Сейчас, когда происходит что-то непонятное или страшное, мне обязательно нужно выбежать на улицу. Видимо, отложилось с детства.

Я бродила среди гнилых листьев и ждала, когда вернется из школы моя старшая подруга. Нет, не подруга, так, знакомая. Она не знала дядю Сережу, но мне сейчас и нужен был такой человек, который не знал. Не знал ту любовь, которая помещалась в моем маленьком сердце, не знал ту боль, которую я испытывала, просто не знал меня.

Не помню, сколько прошло времени. Я вдыхала запах осени, который в дальнейшем буду ненавидеть всю жизнь. Знакомая подбежала с радостной улыбкой, но, увидев, что у меня все лицо в слезах, остановилась. Я кое-как рассказала, что произошло. Уже не вспомню тех слов, что она говорила. Вряд ли они успокоили. Я впервые боялась идти домой. Сидела в подъезде, на ступеньках пятого этажа, и горько плакала. Очнулась уже в своей постели.

На похороны мы не поехали. Оказалось, что родственники дяди Сережи предупредили нас очень поздно. В тот момент, когда мама произнесла те убийственные два слова, его уже похоронили. Из-за того, что я не видела дядю Сережу лежащим в гробу, во мне поселилась уверенность, что он не умер. Просто нам так сказали. Поэтому, переехав в Москву, я несколько лет вглядывалась

в лица прохожих, особенно пожилых людей. Верила, что узнаю, я не могла не узнать.

Прошло около двадцати лет. С того страшного дня, когда я узнала значение слова «никогда», я постоянно чего-то жду. Каждый раз будто специально связываю свою жизнь с мужчинами, которые не могут находиться рядом, чтобы испытать это чувство ожидания. Жду лета зимой, а зимы летом. Жду работу в отпуске, а отпуск на работе. Жду, что придет кто-то и скажет: «Не трогайте. Это Викулькин».

Но в одном я твердо уверена. Если на небе есть рай, то в нем каждое утро сигналист старенький автомобиль, мы с мамой и бабушкой прилипаем к окну, и взрослые кричат: «Москвичи приехали!» И начинается радостная, небесная суета.

